

АНАСТАСИЯ ШЕРР

ВОР В ЗАКОНЕ. ТЫ ОТ МЕНЯ РОДИШЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Авторитеты

Анастасия Шерр

Вор в законе. Ты от меня родишь

«Автор»

2026

Шерр А.

Вор в законе. Ты от меня родишь / А. Шерр — «Автор»,
2026 — (Авторитеты)

— Через три месяца я выйду. И заберу тебя, Милана.— А если я не захочу?
— А я тебя не спрашиваю, красавица. Захар Багров — вор в законе. Я
пришла обработать его рану, а он решил, что теперь я принадлежу ему. Я
боюсь этого жестокого человека. Ненавижу за его угрозы, за чужую кровь
на руках. И всё равно каждую ночь жду его звонка. А потом тест показывает
две полоски. Теперь мне нужно успеть сбежать до его освобождения. Ведь
если Захар узнает, что я ношу его ребёнка, он никогда нас не отпустит. Для
любви с первого взгляда хватает секунды. А вот расплачиваться за неё иногда
приходится всю жизнь... Вор в законе Одержимый собственник Желание
обладать Одержимость Диалогия Книга первая

Содержание

Глава	5
АННОТАЦИЯ	6
ДИСКЛЕЙМЕР 18+	7
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вор в законе. Ты от меня родишь

Глава

Вор в законе. Ты от меня родишь

АННОТАЦИЯ

— Через три месяца я выйду. И заберу тебя, Милана.

— А если я не захочу?

— А я тебя не спрашиваю, красавица.

Захар Багров — вор в законе. Я пришла обработать его рану, а он решил, что теперь я принадлежу ему.

Я боюсь этого жестокого человека. Ненавижу за его угрозы, за чужую кровь на руках. И всё равно каждую ночь жду его звонка.

А потом тест показывает две полоски.

Теперь мне нужно успеть сбежать до его освобождения.

Ведь если Захар узнает, что я ношу его ребёнка, он никогда нас не отпустит.

Для любви с первого взгляда хватает секунды. А вот расплачиваться за неё иногда приходится всю жизнь...

ДИСКЛЕЙМЕР 18+

Данное произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события и обстоятельства придуманы автором. Автор не претендует на достоверность изображения уголовной среды, тюремного быта и работы исправительных учреждений.

Автор не оправдывает, не поддерживает и не поощряет преступления, насилие, жестокость и противоправные действия, не идеализирует преступников и криминальный образ жизни. Поступки, убеждения и поведение героев не отражают позицию автора.

Роман содержит сцены насилия, психологического давления, токсичных отношений и материалы эротического характера.

Произведение предназначено исключительно для совершеннолетних читателей.

ГЛАВА 1

— Светлова, ты куда собралась?! К Багрову?!

Валентина Петровна выскочила из процедурной, едва я сняла со стола поднос с лекарствами. Халат у неё был расстёгнут, на переносице отпечатались дужка очков, а в руке она держала надкушенное яблоко. Посмотрела на медицинскую карту, которую я прижала локтем, и так выругалась, что я едва поднос не выронила.

— Совсем девка ума лишилась! Сергей Николаевич где?

— У начальника колонии. Вернётся после обеда.

— Вот пусть и возвращается! Поставь всё на место!

— Валентина Петровна, у человека температура тридцать девять. Рана на руке воспалилась. Вы сами вчера говорили, что он отказывается от перевязок.

— И правильно делает! Пусть у него рука отсохнет, мне спокойнее будет!

Я уставилась на неё. За три месяца работы в колонии насмотрелась на всякое. Один заключённый разодрал себе руку о ржавую проволоку, лишь бы попасть в медчасть. Другой плевался в нас с Валентиной Петровной, пока мы останавливали ему кровь. И всё-таки она помогала каждому. А сейчас стояла передо мной с огрызком яблока и предлагала оставить больного без перевязки. Мне хотелось спорить. Ей, судя по лицу, хотелось запереть меня в шкаф и спрятать ключ.

— Вы же медик, — напомнила я, поправляя сползший рукав халата. — Что он вам сделал?

Она откусила яблоко, прожевала, потом неожиданно схватила меня за локоть.

— Миланка, послушай. Я тебя по-хорошему прошу. Багор девятый год здесь сидит. За это время троих начальников сменили, половину охраны, а он как был Багром, так и остался. Его даже свои боятся. К такому мужчине молоденькой бабе ходить одной нельзя.

— Мне двадцать семь, Валентина Петровна. И я собираюсь делать перевязку, а не замуж за него выходить.

— Ещё пошути! — Она толкнула меня к стене, освобождая дорогу двум санитарам с каталкой. — У него женщин на свободе было столько, что считать устанешь. Да только ты на них не похожа.

— Чем же?

— Тем, что дура ещё. Думаешь, если халат надела, тебя никто не тронет?

Мне стало неприятно. Я выдернула руку и посмотрела на часы. Из-за разговоров мы уже опаздывали с назначенной процедурой.

— Если он действительно такой опасный, пусть конвоир присутствует. Я врача вызову, если рана плохая.

— Милана!

— Я всё поняла. Спасибо.

В коридоре меня ждал Паша, молоденький сотрудник охраны. При виде меня он перестал ковырять прыщ на подбородке и застегнул куртку. Парень был всего на пару лет младше меня, но за три месяца нашей совместной работы успел жениться, рассориться с тещей и дважды пожаловаться на начальство. Обычно по дороге до больничного блока он болтал без остановки. Сегодня шёл молча, изредка поглядывая на поднос.

— Слушай, Светлова, — заговорил он, когда мы миновали второй пост. — Ты там поосторожнее.

— Вас всех сегодня кто-то покусал? Почему каждый считает своим долгом меня напугать?

— Да потому что ты Багра не знаешь.

— Зато вы его прекрасно знаете. И что, он медсестёр ест на завтрак?

Паша даже улыбнуться не попытался.

— Он одному мужику за оскорбление матери челюсть сломал. А тот всего-то слово сказал.

— Какое?

— Какая разница?!

— Большая. Может, мать оскорблять не стоило.

Паша остановился так резко, что я едва не налетела на него.

— Ты там подобное ляпнешь, он тебя на куски порвёт. Я серьёзно, Милана!

Паша побледнел. На поясе у него висели ключи, за плечом была рация, и всё равно он оглядывался, будто Багров мог слышать разговор через две закрытые двери. Мне стало неуютно. Я вспомнила, как мама просила поискать работу поближе к дому, и разозлилась на неё заочно. Хорошее время вспомнить мамины слова, Милана!

— Хорошо, — сказала я уже спокойнее. — Буду осторожна.

У двери отдельной палаты нас встретил ещё один сотрудник, коренастый мужчина лет сорока. Он проверил медицинскую карту, отпер замок и заглянул внутрь.

— Багров! Медсестра пришла. Веди себя нормально.

— А я когда ненормально себя вёл, Витя?

Голос донёсся из глубины палаты. Низкий, хриловатый, с такой откровенной насмешкой, что охранник поморщился.

— Светлова, проходи. Мы здесь.

Я вошла.

Мужчина сидел на краю железной кровати, широко расставив ноги. Чёрная футболка обтягивала мощную грудь, на предплечьях темнели татуировки. Короткие волосы тронула седина, борода скрывала подбородок. На правой брови белел старый шрам. Захар Багров был крупным, тяжёлым мужчиной, но больше всего меня поразило другое. Охранники за моей спиной замолчали, едва он поднял голову. В собственной палате заключённый чувствовал себя хозяином, а люди с ключами ждали, что он скажет.

Когда я подошла к столу, он неожиданно улыбнулся.

— А где моя старая?

— Кто?

— Медсестра. Толстенькая такая. Всё время ворчит.

— Валентина Петровна занята.

— А тебя мне вместо неё прислали?

— Я пришла осмотреть рану и измерить температуру. Жалобы какие?

Он оглядел меня без малейшего стеснения. Я поправила край халата и почувствовала себя душой. Нормальная рабочая одежда, закрытая до шеи, а он умудрился одним взглядом превратить её в нечто неловкое. Хотелось швырнуть ему карту на колени.

— Жалобы? — переспросил он. — Есть одна.

— Какая?

— Девять лет бабы нормальной не видел.

Позади меня кто-то тихо хмыкнул.

Я положила медицинскую карту на стол и посмотрела на заключённого.

— С этим не ко мне. Температуру измерять будем?

— Давай. Может, от тебя ещё выше поднимется.

— Багров! — рявкнул охранник.

— Чего ты орёшь, Витя? Я же больной.

Он протянул руку за термометром. На пальцах я заметила тёмные татуировки, а когда он передвинул ногу, увидела под задравшейся штаниной тату на ноге. О таких знаках мне

рассказывал Витя ещё в первую неделю моей работы. Тогда я отмахнулась. Теперь почему-то вспомнила весь разговор.

— Как вас зовут? — неожиданно поинтересовался мужчина.

— Светлова Милана Андреевна.

— Милана, значит. Красивое имя.

— Спасибо. Руку поднимите.

Он поднял. Я положила термометр ему под мышку и попросила придержать. Заодно рассмотрела повязку. Бинт потемнел, на коже выше повязки виднелась краснота.

— Давно перевязку делали?

— Дня три назад.

— Почему?

— Потому что три дня назад было надо.

Я стиснула зубы.

— Я спрашиваю, почему после этого не приходили.

— Не хотелось.

— У вас рана воспаляется. Так можно до серьёзных осложнений довести.

— Переживу.

— Некоторые не переживают.

Он поднял на меня глаза, и улыбка исчезла. Лицо стало жёстким, неприятным. Я ощутила, как за спиной зашевелился Паша.

— Ты мне смерти желаешь, Милана?

— Я вам объясняю, чем опасно воспаление. Если хотите умереть от собственной глупости, я вам мешать не буду. Но свою работу сделаю.

В палате замолчали. Паша встал ближе к двери, Витя следил за Багровым. Я вдруг поняла, что только что предложила опасному человеку умереть от собственной глупости. Хотела взять слова обратно, но он уже смотрел на меня так, что я сцепила пальцы, пряча их дрожь.

Багров продолжал смотреть на меня. Потом медленно провёл языком по внутренней стороне щеки и вдруг расхохотался.

— Ох, зараза! Ты мне нравишься!

— Приятно слышать. Только руку держите нормально, а то температура неизвестно какая будет.

Когда термометр показал тридцать девять и два, я нахмурилась. Попросила Багрова снять футболку, чтобы осмотреть руку и убедиться, что воспаление не распространяется выше. Он ухватился за край ткани и стянул её через голову.

Я невольно задержала взгляд.

Тело его было огромным, крепким, исполосованным старыми шрамами. Татуировки покрывали грудь, плечи, часть живота. На левом боку виднелся длинный неровный рубец. На правом плече — след от старого ожога. И ещё множество отметин, происхождение которых мне совершенно не хотелось выяснять.

— Нравлюсь? — спросил он, заметив мой взгляд.

— Вы похожи на учебное пособие по травматологии.

Паша фыркнул. Багров повернул голову, посмотрел на него. Парень умолк.

— А ты, Милана, языкатая. Муж есть?

— Бинт снимайте.

— Жених?

— Багров, у вас рука гноится. Давайте хотя бы сейчас поговорим о ней.

Он подался ко мне.

— Ты красивая.

Я замерла с ножницами в руке. Расстояние между нами стало слишком маленьким. От него пахло мылом, табаком и чем-то горьким, лекарственным. На виске выступил пот. Температура действительно была высокой.

— Сядьте нормально, — потребовала я.

— Боишься?

— Да, — неожиданно для себя ответила я. — Боюсь, что вы потеряете руку, а потом будете обвинять в этом медицинскую часть.

— С характером девочка.

— Девочка дома у родителей. Я здесь медсестра.

Я начала осторожно снимать повязку. Багров сидел неподвижно, наблюдая за моими руками. Когда я добралась до прилипшего участка бинта, он резко втянул воздух и выругался.

— Больно?

— Нет, блин, приятно!

— Тогда ещё потерпите. Сейчас смочу.

Я смочила присохший бинт стерильным раствором, выждала немного и осторожно отделила край. Багров выругался, а потом его ладонь сомкнулась на моём запястье. Я даже не поняла, когда он успел. Только что держала повязку, а теперь моя рука была зажата так, что пальцы сами разжались.

По запястью ударила резкая боль. Ножницы выскользнули у меня из руки и упали на пол. Самым страшным оказалось то, что он продолжал держать меня, хотя видел, как я пытаюсь вырваться.

— Ай! Отпустите!

— Аккуратнее, дура!

— Я и так аккуратно! Вы мне руку сломаете!

Я рванула руку, но он лишь сильнее сжал пальцы. В свободной ладони остался мокрый бинт. Я ударила им мужчину по груди, задела лицо, а потом принялась толкать его изо всех сил. В голове металась нелепая мысль, что мне нечем будет держать ложку, если он сейчас сломает кость. Я закричала так, что сорвала голос.

— Пусти, урод!

— Багров! Руки убрал! — взревел Витя.

Он разжал пальцы.

Он отпустил, и я отлетела к столу. Бедром ударилась об острый угол, едва не упала. Запястье было в красных полосах. Я попыталась поправить съехавшую перчатку, но пальцы не слушались. Ненавижу! Как же я его ненавижу! А хуже всего было то, что охранники видели, как я испугалась.

А этот гад сидел на кровати и рассматривал меня.

— Сильно схватил? — поинтересовался он.

— Нет! Погладил! Вы совсем больной на голову?!

Паша шагнул вперёд.

— Милана, выйди. Сейчас другого медика приведём.

— Никуда я не выйду!

Собственный крик ударил по ушам. Я хотела уйти, вымыть руку, спрятаться в туалете хотя бы на минуту, пока не перестанет трясти. Но Багров сидел и смотрел, а я почему-то думала о том, как завтра здесь будут пересказывать, что новенькая медсестра расплакалась из-за плохого дядьки. Я потянула рукав вниз, хотя спрятать синяки он не мог.

Я подняла ножницы, положила на стол и повернулась к охранникам.

— Запишите, пожалуйста, что заключённый применил ко мне физическую силу. Я потом рапорт составлю.

Багров перестал улыбаться.

— Чего составишь?

— Рапорт! Вы глухой?

Он поднялся. Я увидела, как напряглись охранники. Мужчина был почти на голову выше меня, а без футболки казался ещё больше. Я осталась у стола, вцепившись пальцами в его край.

— Сядь, Багров! — потребовал Витя.

Тот даже не посмотрел на него.

— Ты сейчас что сказала?

— Что напишу рапорт.

— Перед этим.

Я слотнула.

— Спросила, не глухой ли вы.

Он сделал шаг ко мне. Отступить было некуда, край стола упирался мне в поясницу. Витя приказал ему сесть, Паша поднёс рацию ко рту. И тут до меня дошло, что я спорю с человеком, которого они оба едва сдерживают. Хотела замолчать. Но вместо этого снова открыла рот.

— Ещё раз повтори, — произнёс Багров.

— Отойдите от меня.

Он наклонился ближе.

— Бояться надо вовремя, Милана. А не когда язык уже всё испортил.

Меня затрясло.

— Вы мне угрожаете?

— Пока разговариваю.

— Отойдите!

Я толкнула его обеими ладонями. Багров перехватил одну руку, а другой упёрся в край стола, отрезая мне путь. Охранники двинулись к нему.

— Захар! — рявкнул Витя, подходя к нам. — Последний раз предупреждаю!

За дверью вдруг раздалась ругань. Витя повернул голову, прислушиваясь. Сотрудники сопровождали другого заключённого на осмотр, и тот сопротивлялся ещё в коридоре. Понесся удар, кто-то позвал подкрепление. Паша открыл дверь лишь на ширину плеч, чтобы выяснить, что случилось.

Багров отпустил мою руку.

— Иди отсюда, — сказал он вдруг совершенно другим голосом.

— Что?

— К двери иди. Быстро!

Снаружи загрохотали ботинки. Один из конвоиров прижимал к стене заключённого с окровавленным лицом, второй пытался удержать его свободную руку. Мужчина вывернулся, толкнул сопровождавшего на Пашу и рванулся в открытую дверь. Витя успел отступить с его дороги, но задержать не сумел. Заключённый увидел меня с медицинским подносом и метнулся к столу.

Он схватил металлический лоток. Я стояла в проходе между столом и кроватью. Размахнулся он так резко, что у меня хватило времени лишь закрыть лицо локтем. Паша крикнул моё имя.

А потом меня дёрнули за плечо с такой силой, что я налетела на Багрова.

Лоток просвистел перед лицом и ударился о стену. Я вскрикнула.

Захар оттолкнул меня к кровати, ухватил нападавшего за шиворот и ударил его кулаком в живот. Тот сложился пополам, захрипел. Багров добавил ещё удар, уже по лицу. Кровь брызнула на пол.

— Ты кого трогаешь, падаль?! — заорал он.

— Захар, хватит! — Витя навалился на заключённого сзади. — Руки убрал!

Но Багров будто оглох. Он схватил мужчину за волосы и приложил лицом о край стола. Я услышала мерзкий хруст.

— ХВАТИТ! — заорала я, бросаясь к ним. — Вы его убьёте!

Захар обернулся. У него на руке была чужая кровь. Лицо перекошилось от ярости, и я вдруг поняла, что вижу того самого человека, о котором меня предупреждали. Вот он. Багор. Вор в законе, которому плевать на чужую жизнь, когда он приходит в бешенство.

Я схватила его за предплечье.

— Отпустите! Ему помощь нужна!

Он посмотрел на мои пальцы. Потом на лицо.

— Отойди, Милана.

— Вы его сейчас убьёте!

Багров разжал руку, когда Витя ухватил его за плечо. Мужчина рухнул на пол. Охранники навалились на него, защёлкнули наручники, кто-то вызвал подкрепление. Я опустилась на колени и прижала стерильную салфетку к разбитому лицу заключённого. Он стонал, дёргался и пытался отвернуться. Пришлось попросить охранника придержать его голову. Салфетка быстро пропиталась кровью, а я никак не могла вытащить из упаковки новую.

Захар стоял над нами. На его пальцах темнела кровь, и мне было страшно, что он опять наклонится и схватит лежащего человека. Опасность для меня давно миновала, а он всё продолжал бить. Я отодвинула поднос подальше от его ноги и сердито потребовала, чтобы он дал мне работать. Голос дрожал. Сейчас я бы даже на ногах толком не устояла.

Молодой охранник бросился к двери. Витя остался удерживать мужчину.

Захар стоял рядом.

— Милана.

Я подняла голову.

— Что?!

Он смотрел на кровь, которой испачкалась моя ладонь.

— Целая?

У меня вдруг зашипало глаза. Меня едва не ударили железкой по голове. На запястье распухали следы его пальцев. Под ногами валялся окровавленный человек, которого он только что чуть не забил насмерть. А теперь этот зверь спрашивал, целая ли я!

— Да пошёл ты! — выкрикнула я.

Витя поднял голову.

— Светлова!

— Что Светлова?! — Я сорвалась окончательно. — Вы видели, что он сделал?! Вы все видели?! Он же его убить хотел!

— Милана, успокойся, — потребовал охранник.

— Не буду я успокаиваться!

Багров вдруг присел передо мной. Я отшатнулась, прижимая салфетку к лицу пострадавшего.

— Этот урод тебя железкой хотел приложить. Ты хоть поняла?

— И поэтому надо его убивать?!

— Если потребуется.

Он сказал это буднично. Как человек, который готовится купить хлеб или выйти покурить.

Меня затошнило.

— Вы больной, — прошептала я.

Багров усмехнулся.

— Ты уже говорила.

* * *

После происшествия я почти час провела в кабинете начальника медчасти. Составляла объяснительную, потом переписывала, потому что первый лист испачкала кровью. Сергей Николаевич внимательно изучил следы на моём запястье, сфотографировал их для служебного разбирательства и потребовал объяснить, почему я вообще оказалась так близко к заключённому.

Я слушала его, сжимая пальцы под столом. Во мне всё кипело. Хотелось ответить, что я находилась там потому, что выполняла его назначение. Что медицинские процедуры невозможно проводить с расстояния нескольких метров. Что Багров и без всякой драки успел схватить меня дважды.

— Милана Андреевна, — произнёс он наконец, снимая очки. — Вы понимаете, насколько серьёзное сегодня было происшествие?

— Прекрасно понимаю.

— Ваша задача оказывать медицинскую помощь. Вступать в конфликты с заключёнными запрещено. Особенно с Багровым.

— А он может хватать меня за руки?

— Разумеется, нет. Будет служебная проверка.

— Тогда почему вы разговариваете так, будто виновата я?

Он помолчал.

— Потому что вы можете уволиться и уйти домой. А нам ещё здесь работать.

Вот это меня добило. Я поднялась, взяла сумку и направилась к двери. За спиной скрипнуло кресло.

— Светлова! Разговор не окончен!

Я повернулась.

— Сергей Николаевич, я сегодня дважды испугалась за свою жизнь. Мне двадцать семь лет, я хочу работать, зарабатывать деньги и возвращаться к матери живой. И если ваш Багров такой страшный, может, пора перестать делать вид, что он здесь главный?

Начальник медчасти тяжело вздохнул.

— Вот именно поэтому я и советую вам держаться от него подальше.

Я вышла, прикрыв дверь.

В раздевалке Валентина Петровна оставила мне пакет с пирожками. На записке было коряво выведено «Поешь, дурёха». Я откусила пирожок, вспомнила, как он схватил меня за запястье, и кусок застрял в горле. Слёзы пошли неожиданно. Я попыталась проглотить, закашлялась, выругалась и расплакалась ещё сильнее. В соседней комнате хлопнула дверь. Я зажала рот ладонью, чтобы никто не услышал.

Я сидела в мокром от слёз халате, с пирожком в руке, и ненавидела себя за эту жалкую картину. Минуту назад была готова ударить его в лицо, теперь боялась одного воспоминания о нём. Когда он рванул меня к себе во время нападения, я на миг ухватила за его футболку, как за спасательный круг. От этого воспоминания меня передёрнуло. Тот же человек, который меня напугал, спас меня от лотка. Я злилась на него ещё сильнее, потому что не желала быть ему благодарной.

Я выбросила недоеденный пирожок, умылась ледяной водой и переоделась. На улице уже темнело. Дождь барабанил по крыше проходной. Пока я сдавала пропуск, дежурный несколько раз поглядывал на меня, но ничего не сказал.

Телефон зазвонил, когда я вышла за территорию колонии. Мама.

— Миланочка, ты едешь? — услышала я её голос. — Я котлет нажарила, картошечки сварила. Приходи ко мне, поужинаем.

Я остановилась под козырьком автобусной остановки. Несколько секунд молчала, пытаюсь справиться с комком в горле.

— Мам, я устала. Домой поеду.

— Голос какой-то... Ты плакала?

— Да нет. День тяжёлый.

— Милана, ты опять меня обманываешь?

Я прижала телефон к уху и отвернулась к мокрой стене остановки. Хотела рассказать ей всё. Хотела, чтобы мама рассердилась и сказала немедленно увольняться, чтобы у меня появился повод больше туда не ходить. Но после операции она и без того каждый день считала таблетки и прислушивалась к сердцу. Я закусила рукав куртки, пока она ждала ответа. Если сейчас разрежусь, она всё поймёт.

— Мамуль, завтра приеду. Честно. Только посплю сегодня.

— Ты у меня одна, Миланочка, — тихо сказала она. — Береги себя, ладно?

Я зажмурилась.

— Ладно, мам.

Автобус пришёл только через сорок минут. Дома я сняла промокшую куртку, поставила чайник и вдруг увидела на кухонном столе тарелку с двумя яблоками. Мама привезла их позавчера, ещё смеялась, что я совсем перестала есть. Я взяла одно, но от этого движения заболело запястье. Я посмотрела на следы его пальцев и вдруг разозлилась так, что не смогла удержаться. Я швырнула яблоко в раковину. Оно ударилось о рычаг крана. Хлынула вода, забрызгала стены и край стола. Пришлось вытирать пол, стоя на коленях. И я плакала, стирая эту дурацкую лужу, потому что меня довёл до такого состояния чужой мужик, с которым я разговаривала меньше часа.

Позже я достала чистый халат, погладила рукава, проверила будильник. Завтра мне опять на смену. Я могла написать заявление и остаться дома. Уже набрала сообщение начальнику, но стёрла его. Зарплата нужна. Мама нуждается в помощи. И, леший его возьми, я не хотела подарить Багрову ещё одну победу.

ГЛАВА 2

Утром Валентина Петровна встретила меня таким взглядом, что я поняла — новости уже облетели всю колонию.

— Ну что, героиня? Живая?

— Доброе утро.

— А я тебе говорила!

— Говорили.

— А ты спорила!

— Спорила.

— А теперь что скажешь?!

Я сняла куртку, повесила её в шкаф и повернулась.

— Валентина Петровна, если вы сейчас продолжите, я сама кого-нибудь прибую. Можно мне хотя бы кофе выпить?

Она всплеснула руками, но тут же поставила передо мной кружку.

— Пей. Только не вздумай больше к нему ходить. Сергей Николаевич другого сотрудника назначил.

Я облегчённо выдохнула.

— Прекрасно.

— Багров всю ночь бушевал.

Рука с кружкой остановилась у меня на полпути ко рту.

— В каком смысле?

— От перевязки отказался. Доктора послал. Потребовал тебя.

Я поставила кофе.

— И что?

— А то! У него опять температура поднялась. Рука распухла. Наш Сергей Николаевич с утра с ним ругается.

— Пусть ругается.

— Милана...

— Нет! Даже не начинайте! — Я подняла ладони. — Вчера он чуть не переломал мне запястье. А потом избил человека. Я к нему больше не пойду!

Валентина Петровна неожиданно улыбнулась.

— Вот теперь умница.

Ближе к обеду в медчасти появился Витя, тот самый охранник, который вчера удерживал заключённого. Он выглядел уставшим, под глазами залегли синяки. Попросил измерить давление, пожаловался на головную боль, а потом вдруг достал из кармана сложенный вчетверо листок.

— Светлова, тебе тут передали.

Я посмотрела на бумагу.

— От кого?

Он помялся.

— Багров просил отдать.

У меня внутри всё похолодело.

— Заберите обратно.

— Милана, послушай...

— Я сказала, заберите!

Он положил листок на край стола.

— Захар вчера человека избил, это факт. Но тот тебя чуть не покалечил. Багров мог и хуже сделать.

Я медленно подняла голову.

— Вы его оправдываете?

— Я тебе объясняю, как здесь бывает. Он вчера за тебя вступился.

— Он вчера меня сам за руку хватал! Вы забыли?!

Витя отвёл глаза.

— Ладно. Я передал. Дальше сама решай.

Он вышел, оставив сложенный листок на столе. Я собиралась отнести бумагу начальнику, но вдруг прочитала своё имя на наружной стороне. Он ещё и записки мне пишет? После вчерашнего? Я схватила записку, развернула и тут же пожалела. Читать чужие угрозы стоя посреди процедурной было неприятно. От него тем более.

Почерк был крупным, неровным, с сильным нажимом.

«За руку извини. Сильно схватил. Больше не трону, пока сама не захочешь. А за того урода извиняться не стану. Он тебя ударить собирался. И ещё, Милана. Мужа у тебя нет, я узнал. Через три месяца выйду. Тогда поговорим нормально. Захар».

Я перечитала записку и скомкала. Развернула опять. Хотела порвать на мелкие клочки, но вместо этого вложила в медицинскую карту как доказательство, что Багров продолжает вмешиваться в мою жизнь. Мне было противно, что я вообще задумываюсь над его словами.

Надо же, какое самомнение! Мужа у меня нет, он узнал! А если бы был?! Что дальше? Он выйдет из колонии и явится ко мне домой? Прикажет бросить всё и ехать с ним?

Я подошла к раковине, включила воду и начала мыть руки. Тёрла пальцы с мылом до красноты, хотя утром уже несколько раз их мыла.

И вдруг услышала за спиной мужской голос.

— Милана Андреевна?

В дверях стоял Сергей Николаевич.

— Да?

Он выглядел раздражённым.

— Багров отказывается от лечения. Температура держится. Рана плохая. Согласен разговаривать только с вами.

У меня задрожали колени.

— Я к нему не пойду.

— Я понимаю. Поэтому предлагаю вам присутствовать на осмотре вместе со мной и двумя сотрудниками охраны. Исключительно ради лечения. После этого больше к нему не направляю.

— А если я откажусь?

Он посмотрел на меня устало.

— Тогда буду решать без вас. Это не ваша обязанность.

Я опустилась на стул. Перед глазами всплыло лицо Захара Багрова. Его насмешливая улыбка. Огромная ладонь на моём запястье. Кровь на пальцах. И та секунда, когда он дёрнул меня к себе, спасая от удара. Я ненавидела себя за то, что вообще вспоминала об этом.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Один раз. При вас и охране.

* * *

Захар лежал на кровати, когда мы вошли. Вчера он казался огромным и непобедимым. Сегодня его лицо осунулось, под глазами потемнело, а на лбу блестел пот. Но стоило мне появиться в дверях, как он приподнялся на локте и улыбнулся.

— Пришла, красавица.

Я едва удержалась, чтобы не развернуться.

— Я пришла с врачом. Вам необходима помощь.

— Знаю.

— Тогда почему отказывались от лечения?

Он посмотрел на Сергея Николаевича, потом на двух охранников.

— Потому что хотел тебя увидеть.

Я почувствовала, как краснею от злости.

— Вы идиот?!

Сергей Николаевич тяжело вздохнул.

— Милана Андреевна...

— Нет, вы послушайте! — Меня понесло. — Человек с температурой под сорок устраивает представление, потому что ему захотелось меня увидеть! А если у вас осложнения начнутся?! Если руку придётся оперировать?!

Багров усмехнулся.

— Переживаешь?

— За свою работу переживаю!

— А я думал, за меня.

— Много о себе воображаете.

Он протянул руку, и я резко отшатнулась. Впервые за весь осмотр он перестал усмехаться. По его лицу скользнуло раздражение, будто это я его обидела. Я задрала рукав. Синяки стали лиловыми, четыре чётких пятна и след большого пальца. Сергей Николаевич тоже их увидел. В этот момент мне захотелось плакать от злости, но я удержалась.

Багров медленно опустил руку.

— Покажи.

— Что?

— Запястье.

— Зачем?

— Покажи, Милана.

Я почувствовала, как внутри закипает злость.

— Хватит мне приказывать!

Он помолчал, потом произнёс удивительно спокойно.

— Пожалуйста.

Я растерялась. Сергей Николаевич кашлянул и потребовал, чтобы мы прекратили посторонние разговоры. Я подала инструменты, помогла снять повязку. Врач осмотрел рану, назначил дальнейшее лечение. Всё это время Захар молчал. Только однажды болезненно поморщился.

Когда процедура закончилась, Сергей Николаевич стал заполнять карту. Я собирала инструменты, стараясь не смотреть на заключённого.

— Милана, — позвал он.

Я промолчала.

— Милана.

— Что вам?

— Ты письмо прочитала?

Я застыла. Потом повернулась к нему.

— Откуда вы узнали, что у меня нет мужа?

Сергей Николаевич поднял голову.

— Какое письмо?

— Понятия не имею, доктор, — спокойно произнёс Багров. — У нас с Миланой разговор.

Я почувствовала, как меня бросило в жар.

— Никакого разговора у нас нет! И быть не может!

Он посмотрел на моё запястье, где из-под рукава виднелись синяки.

— Боишься меня?

Мне хотелось соврать, что он смешон со своими угрозами и уголовными замашками. Но я весь вечер отмывала кухню после брошенного яблока и ночью просыпалась, хватаясь за большое запястье. Так чего притворяться?

— Да, — ответила я.

Он перестал улыбаться.

— Правильно делаешь.

Я почувствовала, как по спине пополз холод. Захар поднялся с кровати, несмотря на недовольный возглас врача. Охранники тут же напряглись. Мужчина стоял напротив меня, огромный, бледный от температуры, с перебинтованной рукой.

— Скажи мне одну вещь, Милана.

— Какую?

— Когда я выйду, ты от меня бегать будешь?

Я отступила.

— Вы серьёзно считаете, что я захочу с вами встречаться?

Он смотрел мне в лицо, ожидая ответа. Я вдруг заметила, что он больше не улыбается.

И от этого стало по-настоящему страшно.

— Захар, сядь, — потребовал врач.

Багров даже головы не повернул.

— Я вопрос задал.

Меня затрясло от бешенства.

— А я вам отвечаю! Мы никогда не будем встречаться! Я даже знать вас не хочу! Ещё раз пришлёте мне записку, я напишу заявление начальнику колонии!

Я схватила поднос и направилась к двери. Уже взялась за ручку, когда услышала его голос.

— Милана.

Я остановилась, хотя дала себе слово больше этого не делать.

— Что?!

— Ты мне понравилась, Милана. Очень.

Он произнёс это без улыбки, без привычного издевательства. А потом добавил тихо, отчётливо, так, чтобы слышала только я и стоявший рядом охранник.

— И вот теперь у нас с тобой большие проблемы.

Я вылетела в коридор, задев дверью плечо. Поднос дребезжал так, что один контейнер едва не выпал. В голове грохотало его «большие проблемы». Я ненавидела его за эту уверенность. Ещё сильнее злилась на себя, потому что помнила тяжёлую ладонь, которая в тот короткий миг уберегла меня от удара.

Но у лестницы меня догнал Паша.

— Милана! Стой!

Я обернулась. Он тяжело дышал, на лбу блестел пот.

— Ты чего?

Паша оглянулся на закрытую дверь палаты, потом наклонился ко мне.

— Ты только не пугайся, ладно?

Я едва не рассмеялась ему в лицо.

— Паша, да что ещё?!

Он помялся, опустил глаза и выговорил.

— Я вчера после смены на посту остался. Слышал, как Багров с адвокатом разговаривал. Тот ему сказал, что документы готовы. Через три месяца он выходит.

— И что?!

Паша сглотнул.

— Милана, он адвокату велел дом подготовить.

Я нахмурилась.

— Какой дом?

Парень посмотрел на меня с таким несчастным видом, что мне стало дурно ещё до его ответа.

— Для вас двоих.

Я уставилась на него.

— Ты шутишь?

— Милана...

— Скажи, что ты шутишь!

Паша покачал головой.

— Он сказал, чтобы к его освобождению всё было готово. И отдельно предупредил, чтобы женскую спальню сделали такой, «чтоб ей понравилась». Тебе то есть.

— Мне?

Поднос соскользнул у меня из рук. Металл грохнул о плитку, упаковки бинтов разлетелись по коридору. Паша кинулся собирать их, а я стояла и думала, что утром собиралась попросить начальника больше не направлять меня к Багрову. Теперь оказалось, что он уже распоряжается, где я буду жить через три месяца. Я опустила на корточки помочь Паше, но руки дрожали, и бинты выскальзывали из пальцев.

— Милан, ты только никому не говори, что я рассказал, — забормотал Паша, поднимая ножницы. Я вырвала их у него из рук.

— А ты не говори мне больше ни слова о нём! И с чего ты вообще взял, что речь шла обо мне?! — Вопль вышел таким громким, что из кабинета выглянула Валентина Петровна. Я прижала рассыпавшиеся бинты к груди, чувствуя, как все трое смотрят на меня. Три месяца. У меня оставалось три месяца до его освобождения. А он уже придумал, в какой спальне я буду спать.

Да нееет... Шутка. Или Паша, тупица, всё напутал и речь шла о другой женщине. Есть же ждули, которые зеков из тюрьмы ждут. Вот, наверное, Багров о такой и говорил. Уж точно не обо мне.

ГЛАВА 3

— Милана, ты чего побелела, как стена?! — Валентина Петровна вышла из кабинета и сердито посмотрела на Пашу. — Что ты ей наговорил?!

Я поднялась, прижимая к груди собранные бинты. Паша уже пятился к лестнице. Очень хотелось запустить в него всем, что держала в руках. Трепло несчастное! Рассказал про дом, напугал до ужаса и теперь сбежать собирается. А мне что делать?! Сидеть и представлять, как уголовник выходит из тюрьмы и тащит меня в приготовленную спальню?!

— Да ничего я ей не говорил, — пробормотал Паша. — Мне на пост пора.

— Вот и иди! — рявкнула я. — И больше ко мне со своими сплетнями не подходи!

Он исчез. Валентина Петровна забрала у меня бинты и потащила в процедурную. Там усадила на стул, закрыла дверь и потребовала объяснений. Я сначала упиралась, потом выложила всё. Про адвоката, дом и спальню.

Она слушала молча. Даже очки сняла.

— Ну скажите что-нибудь! — не выдержала я. — Он же не мог обо мне говорить! Мы знакомы второй день!

— Миланка, я бы на твоём месте заявление написала.

— Какое ещё заявление?!

— На Багрова. За вчерашнее. И записку его приложи. Пусть начальство разбирается.

Я вскочила так резко, что стул ударился о стену.

— Да что вы все меня хороните?! Он сидит за решёткой! Я свободный человек! Через три месяца выйдет и забудет, как меня зовут!

— Хорошо бы, девочка.

От её голоса мне захотелось плакать. Особенно от этого «хорошо бы». Будто она заранее знала, что ничего хорошего меня не ждёт. Я схватила кружку, сделала глоток остывшего чая и едва не подавилась.

— Я никуда с ним не поеду, — заявила я, вытирая подбородок. — Пусть хоть дворец строит. Мне плевать!

Валентина Петровна осторожно коснулась моего запястья. Синяки за ночь потемнели. Четыре лиловых пятна, оставленных огромными пальцами. Я дёрнула руку, а она неожиданно обняла меня.

И вот тут я едва не разревелась.

Ну какая же я дура! Вчера боялась, что этот зверь меня покалечит, сегодня уже оправдываю его перед самой собой. Думаю, что Паша всё напутал, что Багров говорил о другой женщине. А если не напутал?! Если он действительно решил забрать меня после освобождения?! Но мы же не в девятиностях живем. Кто ему позволит такое сделать?

— Девочка моя. — Валентина Петровна погладила меня по голове. — Ты только не вздумай с ним играть. Это тебе не мальчишка, которому можно нагрубить и хлопнуть дверью.

Я отстранилась, сердито вытерла глаза.

— Я с ним вообще ничего не собираюсь делать!

После обеда я написала заявление. Подробно описала вчерашнее происшествие, приложила записку Багрова и попросила оградить меня от любых контактов с ним, кроме тех, которые необходимы по работе. Сергей Николаевич прочитал всё, тяжело вздохнул и отправил меня к начальнику колонии.

Полковник Сомов оказался седым мужчиной с усталым лицом. Он долго изучал мои бумаги, потом посмотрел на синяки и нахмурился.

— По факту применения силы проверка уже проводится. Больше к Багрову вас направлять не будут.

Я едва не расплакалась от облегчения.

— Спасибо! — Я торопливо вытерла выступившие слёзы и села ровнее.

— Но мне хотелось бы уточнить один момент, Милана Андреевна. Почему заключённый решил, что между вами возможны личные отношения?

У меня даже рот открылся.

— Что?!

— Вы общались с ним вне служебных обязанностей?

Я медленно поднялась со стула.

— Вы сейчас серьёзно?! Он мне руку чуть не сломал! Угрожал! А вы спрашиваете, почему я его заинтересовала?!

— Успокойтесь. Я обязан разобраться.

— Так разбирайтесь с ним! Я пришла сюда работать! Мне мать после операции содержать надо, лекарства покупать! Я не виновата, что какому-то уголовнику приспичило жениться!

Сомов нахмурился, а я уже ничего не могла с собой поделать. Меня трясло от злости и унижения. Будто я сама бегала за Багровым, заигрывала с ним, а теперь жаловаться пришла!

— Светлова, сядьте и прекратите кричать.

— Да пошёл он в задницу, ваш Багров!

Я схватила сумку, но полковник остановил меня.

— Милана Андреевна, ещё раз повторяю. Мы примем меры. И советую вам впредь соблюдать дистанцию с заключёнными.

Я посмотрела на него и вдруг рассмеялась. Нервно, едва удерживая слёзы.

— Спасибо за совет. В следующий раз буду делать перевязки через закрытую дверь!

Вышла я от него злая настолько, что даже Валентина Петровна побоялась ко мне приставать. До конца смены занималась назначениями, помогала с обработкой ран и старалась забыть о Багрове. Несколько раз ловила себя на том, что прислушиваюсь к шагам в коридоре. Вот ведь зараза! Сiju в собственной процедурной и боюсь, что он каким-то чудом появится из-за угла!

Домой я собиралась уже в темноте. Застегнула куртку, проверила телефон и вспомнила, что обещала маме приехать на ужин. Она ещё утром говорила про голубцы. Наверняка стоит сейчас на кухне, разогревает их в третий раз, ворчит, что дочь совсем перестала нормально питаться.

Я набрала её номер. Хотелось услышать родной голос, пожаловаться на мерзкий день и хотя бы полчаса посидеть с ней за столом.

Мама ответила после нескольких гудков.

— Миланочка, доченька! А я тебе звонить собиралась!

— Мамуль, я еду. Голубцы ещё остались?

— Конечно, остались! Я тебе целую кастрюлю приготовила. Только тут такое дело...

Я остановилась посреди раздевалки.

— Что случилось?

— Да мужчина какой-то приходил. Представительный такой, в дорогом пальто. Цветы принёс. И лекарства мне купил, представляешь? Те самые, которые дорогушие!

Я перестала застёгивать сумку.

— Какой мужчина, мам?! — Я села на скамейку, так и не застегнув сумку. Веко нервно задёргалось.

— Не знаю, доченька. Сказал, от твоего знакомого. Очень вежливый. Даже мусор вынес, пока я чай ставила.

Меня бросило в жар.

— Мам, ты его в квартирупустила?!

— Ну а что такого? Он ведь от тебя пришёл! Я сначала подумала, что это твой жених. Ты же мне ничего не рассказываешь!

Я вцепилась пальцами в край скамейки. Перед глазами всплыло лицо Багрова, его татуированные руки, записка с обещанием встретиться после освобождения. Неужели?! Нет! Этого не может быть!

— Мамочка, послушай меня внимательно. Что он тебе сказал?!

— Да ничего особенного. Спросил, как здоровье, хватает ли денег на лекарства. Я ему рассказала про операцию, про тебя. Как ты работаешь, бедненькая, совсем себя не бережешь. Он так внимательно слушал!

Ох, мама...

Я прижала ладонь ко рту. Мама рассказала постороннему человеку о своей болезни, обо мне, о нашей жизни. Сама! За чашкой чая! Потому что какой-то мерзавец принёс цветы и лекарства!

— Мам, а как его зовут?!

— Он не представился. Сказал, что Захар просил заехать.

Ноги у меня подкосились. Я села на скамейку, чувствуя, как по щекам текут слёзы.

Захар.

Сволочь! Какая же ты сволочь!

— Миланочка, ты чего молчишь? — забеспокоилась мама. — Доченька, что случилось?!

— Мам, больше никого не пускай домой! Слышишь?! Никого! Даже если скажут, что от меня! Обещай!

— Милана, ты меня пугаешь!

— ОБЕЩАЙ МНЕ! — закричала я.

Она заплакала.

— Обещаю, доченька! Только объясни, что происходит! Этот Захар тебе что-то сделал?!

Я закрыла глаза. Мама плакала из-за меня. У неё больное сердце, давление скачет, а я ору на неё по телефону! Хотелось раздолбать телефон об стену.

— Мамочка, прости! Прости меня, пожалуйста! Я сейчас приеду. Только дверь закрой, ладно? На оба замка.

— Хорошо, моя девочка. Хорошо...

Она ещё что-то говорила, но я почти не слышала. Смотрела на распухшее запястье и думала о том, что вчера этот человек мог сломать мне руку, а сегодня отправил к моей матери чужого мужчину.

Я уже собиралась попрощаться, когда мама вдруг вспомнила.

— Миланочка, подожди! Он ведь ещё кое-что оставил. Я совсем забыла!

У меня похолодело внутри.

— Что, мам?

— Конверт. Сказал, лично тебе передать. Я открывать не стала.

— Не трогай его! Я сама посмотрю!

— Хорошо, доченька. Только там снаружи написано что-то. Я сначала не поняла, а потом прочитала...

Мама замолчала.

— Мам, что написано?!

Она тяжело вздохнула.

— «Милане от Захара. За маму не переживай. Теперь она под моей защитой».

Я выронила телефон. Он ударился о плитку, но связь не оборвалась. Из динамика доносился испуганный мамин голос. Она звала меня, спрашивала, что случилось, а я сидела, вцепившись в скамейку, и смотрела на свои синяки.

Он добрался до моей матери. А ведь до его освобождения оставалось ещё три месяца.

ГЛАВА 4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.